

В то время за окном стоял чудесный солнечный день. Чу Мо, не спеша попивая чай, обернулся к тому человеку.

Когда тот произносил эти слова, в его голосе всегда сквозила едва уловимая зависть, а та часть лица, что оставалась в тени, казалась особенно мягкой.

Чу Мо опустил взгляд на Мяо Сян, которая начала открывать глаза, и тихо усмехнулся.

Видишь, я всё же очень добр к тебе.

Вы ведь... поистине суженая пара.

Теперь, когда я доставил тебя к нему, вы, должно быть, очень благодарны мне, верно?

Девушка, спавшая в лучах солнца, постепенно приходила в себя. Она открыла глаза и с некоторым замешательством огляделась по сторонам. Вскоре, словно что-то осознав, она начала взволнованно допрашивать мужчину рядом.

Ло Сяньвэнь терпеливо и мягко ответил ей.

Мяо Сян внезапно затихла. Она ошеломленно посмотрела на дверь, а затем бессильно опустилась на пол.

Следом она уткнулась лицом в колени и зарыдала.

Больше не было тех истошных криков, что слышались, пока здесь был Чу Мо. Девушка плакала невероятно тихо, почти беззвучно.

На её руке по-прежнему был надет тот браслет из черных бусин.

Чу Мо, сидя на дереве, наблюдал за ней и, казалось, тихо вздохнул.

На самом деле, он узнал Мяо Сян с самой первой встречи.

Их начальное сближение было продиктовано лишь любопытством: ему хотелось понять, что же это за женщина, которую тот человек описывал столь необычно.

А потом... он вдруг захотел узнать, как поступит именно она, если окажется на этом месте.

Тогда, сидя на больничной койке и глядя, как две девушки за стойкой регистрации о чем-то

болтают, склонив головы, он внезапно загорелся желанием проверить.

В тот момент Мяо Сян и Фан Сяо сидели в залитой солнцем больнице, и в их глазах, обращенных друг к другу, светилась улыбка.

Чу Мо вдруг стало интересно... сможет ли такая крепкая привязанность выдержать испытание апокалипсисом?

Если она узнает, что та — зомби, она всё ещё будет вести себя так же?

Будет ли она по-прежнему улыбаться ей, настаивать на том, чтобы защитить её, будет ли... по-прежнему так добра к ней?

Порой даже сам Чу Мо не понимал, в чем смысл его действий... точно так же, как никогда не знал, какой именно ответ надеется получить.

В любом случае... ни один из них не сулил ему ничего хорошего.

Впрочем, разве это теперь важно?

К чему ему снова что-то доказывать?

Всё именно так, как есть.

Никто не сможет смириться с тем, что рядом с ним находится зомби, и никто не проявит милосердия лишь из-за того, что когда-то был близок с ним.

В конце концов... это просто человеческая натура.

На что он... всё ещё надеется?

Чу Мо взглянул на листья перед собой. Листья платанов всегда кажется особенно яркой, создавая иллюзию залитого солнцем мира, отчего на душе невольно становится мягче.

Нежно-зеленый лист качнулся на ветру, дрожа, приблизился к Чу Мо и потерся о его щеку.

Чу Мо усмехнулся, про себя подумав, что становится всё более странным.

Он еще раз взглянул на человека в комнате отдыха под собой и повернулся, чтобы уйти.

Это был коридор.

Верхняя часть галереи всегда была удобна для передвижения.

Чу Мо медленно шел по самому краю крыши.

Когда-то у него была тяжелая форма акрофобии, но со временем он полюбил это ощущение высоты.

Легкий ветер впереди, пустота по сторонам и, самое главное, — сердце, которое, казалось, постепенно сжималось.

Это заставляло его чувствовать, что он всё еще жив, а не является бездушным зомби без чувств и сердцебиения.

Чу Мо не ненавидел свою сущность короля зомби, напротив, она ему даже нравилась.

Она позволяла ему получать то, что было недоступно другим, и стоять на вершине, недостижимой для остальных.

Его не пугали холод высоты и одиночество.

Но иногда, когда он касался груди и чувствовал лишь мертвую ледяную пустоту, он не мог удержаться от мысли: если бы я не был зомби, всё сложилось бы иначе?

Тот человек, который когда-то с такой улыбкой обещал быть с ним всю жизнь, не причинил бы ему столько боли?

Я не боюсь ненависти этого мира и не виню их за предательство... но почему именно ты?

Почему это должен был быть именно ты?

Чу Мо поднял руку, глядя, как она постепенно становится прозрачной на солнце, а затем превращается в жуткую конечность с острыми когтями.

Другой рукой он обхватил своё запястье и опустил взгляд, улыбаясь, хотя в его глазах бушевала ярость.

Если ты так презирал меня, не стоило быть со мной таким добрым в самом начале.

С какой стати ты заставил меня поверить, привязаться, а потом выбросил?

Мир залит солнечным светом, но он никогда не достигает той тени, что таится совсем рядом.

Чу Мо медленно шел, но внезапно остановился.

Комната внизу была лавкой Чао Хао. Этот ряд помещений предназначался для спален, и только над углом магазина Чао Хао были прорезаны два окна.

Свет был ярким, и сквозь начищенное до блеска стекло можно было отчетливо разглядеть, что происходит внутри.

На темно-красном деревянном столе всё еще лежали кисти, тушь, бумага и чернильница. Легкий ветерок ворвался внутрь, приподняв край рисовой бумаги, прижатой нефритовым пресс-папье, и вызвав легкую рябь в туши.

Глядя на это, Чу Мо вдруг вспомнил, как Мяо Сян, закатав рукава, старательно растирала тушь.

О ком тогда думал он сам?..

Чу Мо прищурился, а затем спрыгнул внутрь комнаты.

Он подошел к столу из красного дерева и посмотрел на письменные принадлежности.

Только черный и белый цвета.

Сам не зная зачем, Чу Мо взял нефритовое перо, всё еще лежавшее на тушечнице, и расправил слегка помятый лист бумаги.

Глядя на каплю туши на кончике пера, он внезапно вспомнил, как в лунном свете Мяо Сян смотрела на него и говорила, что он непременно сможет «держаться за руки с любимым человеком и состариться вместе».

В тот момент свет в глазах девушки был таким нежным и ослепительным.

На самом деле, ему всегда нравилась Мяо Сян.

Она была так похожа на Сяо Юй в студенческие годы.

Но в то же время — такая другая.

Чу Мо посмотрел на лист бумаги и, повинуясь внезапному порыву, начал писать.

Он вывел: — Держась за руки...

Почерк был мощным и уверенным, линии — резкими и живыми.

Чу Мо помедлил, а затем закончил фразу.

Получилось: — ...до самой смерти.

Глядя на написанное, Чу Мо вдруг усмехнулся.

Он поднял руку и разорвал только что написанный лист.

Мелкие клочки бумаги взметнулись в воздухе и исчезли, словно их разъело кислотой.

Чу Мо повернулся и вышел, его черные волосы оставили тень в комнате, которая внезапно погрузилась в полумрак.

— Держаться за руки, до самой смерти.

Всё, что было в прошлой жизни, я потребую сполна в этой.

После апокалипсиса улицы мало чем отличались от прежних: дома по-прежнему стояли на своих местах, а деревья вдоль дорог оставались пышными и зелеными, не выказывая ни малейшего намека на уныние.

Если и была какая-то разница, то лишь в том, что неоновые вывески магазинов больше никогда не загорались.

После конца света даже электроника, которая раньше всегда послушно работала, больше не желала подчиняться людям.

То, к чему люди привыкли, начало меняться одно за другим.

Чу Мо шел по пустующей улице, разглядывая спешащих прохожих.

Хотя улица и казалась пустой, людей на ней было немало.

Мужчина слева с трудом тащил два огромных пакета с печеньем и минеральной водой, прихватив, судя по всему, где-то еще и золотую цепочку; женщина рядом явно выбивалась из сил, но старалась идти быстрее — судя по банке сухого молока в её руках, дома её ждал маленький ребенок; неподалеку пара пожилых людей, поддерживая друг друга, несли совсем немного еды — то ли не могли унести больше, то ли не сумели отвоевать — и брели, шатаясь от слабости.

Хаос, но при этом странно упорядоченный.

Чу Мо вдруг усмехнулся, неизвестно о чем подумав.

Мужчина с длинными волосами, прогуливающийся так неспешно, не мог не привлекать внимания.

Тем более что он был невероятно хорош собой и безупречно одет.

Он казался выходцем из другого мира по сравнению с окружающими.

Многие украдкой поглядывали на него.

Но Чу Мо не обращал на них внимания.

Сегодня у него было отличное настроение, и он не хотел тратить силы на притворство.

Если долго играть роль... однажды можно забыть, кто ты есть на самом деле.

Был полдень, солнце палило нещадно. А яркий свет всегда невольно придавал людям смелости.

Словно это было оружие, дарованное им небесами для защиты.

Но люди не знали, что пройдет всего пара недель, и зомби перестанут бояться солнца.

Яркий свет лишь рассеивает тени, а зомби — они вовсе не чужаки в этом мире.

Возможно... именно люди были чужаками.

— Эй, эй, отдавай все деньги! — группа парней с крашеными желтыми волосами окружила человека, угрожая ему перочинным ножом, и с жадностью смотрела на него. — Не говори, что мы не уважаем старость, мы, братья, оставим тебе немного, а? Ха-ха-ха...

Пятеро или шестеро бандитов расхохотались, словно только что сказали нечто невероятно смешное.

Угрожали пожилой женщине в простом ципао.

На вид ей было около пятидесяти, седеющие волосы были аккуратно уложены в простую, но опрятную прическу.

В руках она держала маленького котенка с черно-белым окрасом, который выглядел совсем крошечным, едва отнятым от матери.

Старушка держалась прямо, холодно глядя на них.

Котенок, который еще не умел толком ходить, шипел на бандитов, размахивая мягкими лапками, пытаясь защитить свою хозяйку, попавшую в беду.

Женщина поглаживала вздыбленную шерстку на спине котенка.

Чу Мо стоял у входа в переулок, солнце за его спиной было таким ярким, что его лицо скрывалось в тени.

Казалось, он решает, развернуться и уйти или продолжить путь.

— О, а это еще кто? Заблудился, что ли? Сейчас не лучшее место для прогулок, ха-ха... — один из бандитов заметил Чу Мо и, окинув его взглядом, увидел, что у того нет с собой никакой поклажи, поэтому махнул рукой, смеясь: — Вали отсюда, пока у меня хорошее настроение, не мешай делу.

Чу Мо взглянул на него, лицо его оставалось спокойным.

Затем он опустил взгляд на котенка в руках бабушки.

Котенок был очень милым, сейчас он широко раскрытыми глазами смотрел на бандитов, кончик его белого хвоста был слегка раздвоен.

— Уходи, парень, я бабушка, они мне ничего не сделают, — пожилая женщина махнула рукой, горько усмехнувшись: — Если хотят денег, пусть забирают.

Чу Мо не сдвинулся с места.

Он стоял, слегка нахмурившись.

Увидев, что Чу Мо не уходит, один из парней начал задиаться: — Что такое? Я проявил милосердие, отпуская тебя, а ты не хочешь уходить? Решил поиграть в героя-спасителя?

Другой бандит с интересом осмотрел Чу Мо и рассмеялся: — Да ладно тебе, Тигр, чего ты переживаешь? По виду он не похож на того, кто может что-то сделать. Длинные волосы... я сначала подумал, что это девчонка. Он что, думает, что может нам помешать?

— Ха-ха-ха, точно! Посмотри на эту фигуру, на это лицо — мужчина не должен так выглядеть.
— Словно обнаружив нечто забавное, все бандиты дружно рассмеялись.

Лицо Чу Мо, на котором до этого играла легкая улыбка, мгновенно похолодело.

На самом деле, Чу Мо не выглядел женственно, напротив, он был невероятно статным и красивым. Хотя у него были «глаза персикового цвета», его брови были густыми и прямыми, и когда он смотрел искоса, в его взгляде читалась не женственность, а властная сила.

Даже с длинными волосами никто не смог бы принять его за женщину.

Он был слишком горд и независим по своей природе, и даже когда был тяжело ранен, в нем не было ни капли слабости.

Но эти бандиты, внезапно получившие власть после апокалипсиса, стремились самоутвердиться за счет других. Желая высмеять Чу Мо, который казался им беззащитным, они не стеснялись в выражениях.

Каждый, кто внезапно обрел сверхспособности, кажется таким глупым.

Чу Мо поднял взгляд, его глаза были холодными, как лед.

Лианы на его запястьях начали наливать кровавым цветом, извиваясь, словно вторя настроению хозяина.

Похоже... среди них даже были люди со способностями, неудивительно, что они вели себя так нагло.

Но грабить людей после апокалипсиса... интересно, есть ли у них вообще мозги.

Чу Мо усмехнулся, его глаза начали постепенно наливаться кровью.

Раньше он считал их слишком слабыми, чтобы обращать внимание, но раз уж они сами ищут смерти, он с радостью поможет им.

Ха... осмелились так говорить о нем? Неужели они решили, что он добрый человек?

Чу Мо шаг за шагом приближался к банде, лианы на его запястьях стремительно удлинялись.

Лианы — отличная вещь: твердые для атаки, гибкие для захвата. Идеальное оружие.

Особенно когда дело касалось убийства.

Чу Мо смотрел на мужчину, которого лианы толщиной с запястье подняли высоко в воздух. Тот отчаянно барахтался, его лицо исказилось от злости.

Чу Мо вдруг улыбнулся.

В следующую секунду лианы, которые до этого были высотой в два человеческих роста, внезапно удлинились еще сильнее, подняв связанного мужчину на высоту десятого этажа.

Мужчина сверху закричал от ужаса.

Чу Мо взглянул на остальных, чьи лица мгновенно побледнели, и уголки его губ дрогнули.

Мгновение спустя лианы, закрывавшие солнце, вдруг исчезли.

— Это явно не сулило ничего хорошего.

Мужчина, оставшийся в воздухе, с грохотом полетел вниз.

Говорят, что максимальная высота, с которой человек может упасть и выжить, — это шесть этажей.

Десять... этого достаточно, чтобы человек успел осознать весь ужас свободного падения перед мучительной смертью.

Раздался глухой удар, тело без какой-либо защиты врезалось в землю.

Брызнула кровь.

Чу Мо, на которого попали капли, даже не шелохнулся.

Говорят, что наказание других с помощью того, чего боишься сам, приносит двойное удовольствие. Оказалось, это правда.

Он стоял там, его одежда была забрызгана кровью и ошметками плоти.

Чу Мо провел языком по губам, слизывая кровь, и улыбнулся: — Кто следующий?

Мужчина, с ног до головы покрытый кровью, провел языком по губам, слизывая капли, и, подняв глаза, в которых полыхало кровавое пламя, с улыбкой посмотрел на них: — Кто следующий... вы хотите, чтобы это был кто?

Несмотря на то, что был полдень и солнце светило вовсю, от его слов по коже пробежал леденящий холод.

Оставшиеся четверо бандитов застыли на месте, глядя на Чу Мо с выражением полного ужаса.

У его ног лежало тело только что разбившегося человека — месиво из плоти и крови, растекавшейся по асфальту и пачкавшей подошвы обуви Чу Мо.

Он опустил взгляд на свои туфли и тихо усмехнулся.

Затем поднял голову и, не переставая странно улыбаться, медленно двинулся к ним.

Оставшиеся бандиты смотрели на него с оцепенением, а в следующую секунду, словно очнувшись, развернулись и бросились наутек.

Их скорость возросла в разы — такой прыти они не смогли бы развить ни при каких других обстоятельствах.

Тот, кто обладал способностью к ускорению, рванул вперед так быстро, что через мгновение скрылся из виду.

В такие моменты гордость и дружба не имели значения, главное было выжить.

Они даже не оглядывались на потерянные ботинки.

Чу Мо не спешил. Он с любопытством наблюдал за удаляющейся спиной и с легким смешком произнес: — Похоже, он не собирался вас ждать.

Остальные дрожали от страха, мечтая, чтобы их ноги превратились в крылья.

Один из них, выглядевший слабее остальных, запнулся о длинные кисточки на собственных ботинках и упал.

Он поднял глаза и увидел, что Чу Мо смотрит на него и улыбается.

Его глаза были кроваво-красными, а синий знак между бровей делал его похожим на демона.

От страха он обмочился прямо на месте.

Чу Мо с отвращением взглянул на него и больше не обращал внимания.

Остальные, не оглядываясь на отставшего товарища, изо всех сил неслись вперед.

— Быстрее, еще быстрее, стоит только завернуть за угол, и они, возможно, будут в безопасности.

Так они успокаивали себя.

Когда поворот на главную дорогу был уже близко, на их лицах промелькнула надежда.

Как бы страшен ни был этот человек, вряд ли он осмелится творить беспредел средь бела дня на глазах у толпы, верно?

Они почти спасены!

Один из них, самый смелый, не удержался и оглянулся.

И этот взгляд заставил его сердце разорваться от ужаса.

Тот мужчина сидел на корточках и что-то медленно жевал.

Рядом с ним лежало тело их только что погибшего товарища.

Словно почувствовав его взгляд, длинноволосый мужчина поднял голову и чуть прищурился, улыбаясь.

Это было то же самое красивое лицо, над которым они смеялись, но теперь его бледные губы были перепачканы кровью.

То, что он жевал, было оторванной рукой их друга.

Бандит с желтыми волосами почувствовал, как ноги стали ватными, и рухнул на землю.

А его товарищи, которые всё еще бежали, были уже почти на выходе из этого безлюдного переуллка.

Мужчина, который, казалось, был полностью поглощен своей трапезой, поднялся и посмотрел им вслед с усмешкой.

— Им не уйти, они точно не уйдут.

У бандита, сидевшего на земле, перед глазами крутилась только эта мысль.

И действительно, в следующую секунду он увидел, как ветви деревьев вдоль дороги начали стремительно расти.

Это была аллея плакучих ив, в марте они были прекрасны, как в сказке, когда летел пух.

Когда-то они мечтали, что если найдут нормальную работу, то женятся на какой-нибудь доброй женщине, а в годовщину будут гулять здесь, как и другие молодые пары.

Но только сегодня они поняли, что плакучие ивы, которые всегда казались такими нежными и прекрасными, могут быть настолько ужасающими.

Глядя на ивовые ветви, которые внезапно выросли настолько, что закрыли всё небо, они поняли, что последняя надежда угасла.

<http://bllate.org/book/22415/2353415>